

УДК 72.01

С.С. Лабанов

ФГБОУ ВПО «МГСУ»

**ИДЕИ ЗОДЧЕСТВА В РУССКОЙ
МЫСЛИ НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Впервые исследуются идеи зодчества, высказанные русскими мыслителями первой половины XIX в.: К.Н. Батюшковым, Н.М. Карамзиным, Любомудрами, А.С. Пушкиным, А.С. Грибоедовым, А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, представителями теории официальной народности, Н.В. Кукольником, П.Я. Чаадаевым, их оценка архитектурных стилей античного, византийского зодчества, готики, романтизма.

Ключевые слова: зодчество, эстетика, романтизм, архитектура, официальная народность, готика, просвещение, египетский стиль, византийский стиль, античный стиль, русские мыслители.

В русской архитектуре 1810—1830-х гг. все более отчетливо стали проявляться две тенденции: с одной стороны — классицизм, который все более «расщеплялся», с другой — все заметнее стали звучать романтические ноты, которые были поддержаны более общими процессами в русской традиционной культуре того времени.

Этот новый, наметившийся перелом в архитектурных вкусах замечательно выразил, например, великий русский поэт К.Н. Батюшков, впервые посмотревший «новыми глазами» на Петербург, вернувшись в Россию после Отечественной войны 1812 г. Его взгляд на классический город — это взгляд прежде всего поэта-романтика.

В статье «Прогулка в Академию художеств» он отмечает следующее: «...Надобно расстаться с Петербургом, ...надобно расстаться на некоторое время, надобно видеть древние столицы — ветхий Париж, закопченный Лондон, чтоб почувствовать цену Петербурга. Смотрите — какое единство! Как все части отвечают целому!» [1, с. 75]. При этом «...Какая красота зданий, какой вкус, и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями» [1].

Участники Отечественной войны, дошедшие с русской армией до Парижа, как бы повторили путь русских путешественников

S.S. Labanov

MGSU

**ARCHITECTURAL CONCEPTS
IN THE RUSSIAN IDEAS
IN THE BEGINNING
OF THE 19th CENTURY**

The given paper for the first time explores the ideas of architecture expressed by Russian thinkers of the first half of the 19th century: K.N. Batyushkov, N.M. Karamzin, Lyubomudry, A.S. Pushkin, A.S. Griboyedov, A.S. Khomyakov, I.V. Kireyevsky, representatives of the theory of official nationality, N.V. Kukolnik, P.Ya. Chaadayev, their evaluation of architectural styles of the ancient, Byzantine architecture, Gothic style, Romantic period.

Key words: architectonics, aesthetics, Romantic style, architecture, official nationality, Gothic style, Enlightenment, Egyptian style, Byzantine style, antique style, Russian thinkers.

In the Russian architecture of the 1810—1830s two tendencies became more distinct: on the one hand, classicism degrades, on the other — Romantic edges, which were supported by more general processes in Russian cultural tradition of that time, were becoming more vivid.

This new turn in architectural tastes was well expressed, for example, by a great Russian poet K.N. Batyushkov, who was the first to look at Saint Petersburg with “new eyes”, when he returned back to Russia after Patriotic War in 1812. His attitude towards classical city is first of all an attitude of a romantic poet.

In his article “Walk to the Academy of Arts” he writes: “...It is necessary to leave Petersburg, ...to leave it for some time, it is necessary to look at ancient capitals — old Paris, smoked London, in order to feel the value of Petersburg. Look — what a unity! How all the parts correspond to the whole!” [1, p. 75]. And “...What a beauty of the buildings, what a taste, and in general, what a variety because of mixing water with buildings” [1].

The participants of the Patriotic War, who walked with the Russian army to Paris, repeated the way of Russian travelers of the end 18th — beginning 19th century, for example, N.M. Karamzin — an author of “Letters of a Russian Traveler”, but they differed by more independent opinion, and often by esthetic un-

конца XVIII — начала XIX вв., например, Н.М. Карамзина — автора «Записок русского путешественника», но отличались от них большей непосредственностью суждений, а нередко и прямой эстетической неподготовленностью, обернувшейся зарождением более широких художественных вкусов.

Вообще же основной характеристикой начала XIX в. в России стало всеобщее увлечение (в духе романтизма, прежде всего, немецкого) готикой. Лишь отчасти это было вызвано и подготовлено первыми постройками в «готическом вкусе» зданий Баженова, Казакова и других архитекторов конца XVIII в. Здесь соединялись элементы русского и европейского средневекового зодчества, и современники первых лет XIX в. не видели никакой разницы между ними. Так, великий русский историк, писатель, поэт и философ Н.М. Карамзин считал Симонов монастырь готическим памятником. В 1807 г. он по этому поводу, говорил, что это название употребляется в «изящных искусствах для означения варварского вкуса» [2, с. 284], хотя не всегда обозначается его истинный смысл.

Но уже после Отечественной войны 1812 г., под влиянием идей Фихте, Шеллинга, Вакенродера и Баадера возникает русский романтизм, который стал пропагандировать возврат «к средневековью».

Книга А.И. Галича «Опыт науки изящного» (1825) — первая в России попытка целостного изложения эстетики романтизма с привлечением опыта всех искусств. Он останавливается на проблемах природы искусства, созидательного характера деятельности творца, разнообразия форм выражения абсолютной идеи. Русский эстетик говорит о том, что нужно «отыскать коренные идеи и законы Науки» [3, с. 21] и дать найденным идеям и формам «решительное и повсеместное употребление в кругу соответствующих явлений» [3, с. 21].

Что же касается непосредственно архитектуры, то она для русского шеллингианца является относительно «изящным искусством» [3, с. 95], которое «...обрабатывается по законам простой симметрии и ограниченному понятию прочного и спокойного жилища, каковы дома, либо удобного приюта, каковы беседки, мавзолеи, театры» [3, с. 95—96]. Но и ограниченное понятие жилища

preparedness, which gave birth to wider artistic tastes.

The main characteristic feature of the beginning of the 19th century in Russia was the overall interest to Gothic style (as it was with Romantic style, first of all the German one). It was only partially caused by the first buildings in Gothic style by Bazhenov, Kazakov and other architects of the end of 18th century. Here the elements of Russian and European Middle Age architecture were combined, and the contemporaries of the first years of the 19th saw no difference between them. For example a great Russian historian, writer, poet and philosopher N.M. Karamzin believed Simonov monastery was a Gothic monument. In 1807 he wrote, that this notion was used in fine arts to denote barbarous taste” [2, p. 284], though not always its real meaning is mentioned.

But already after the Patriotic war of 1812 under the influence of the philosophy of Fichte, Schelling, Wackenroder and Baader Russian Romantic style appears, which promoted return to “Middle Ages”.

A book of A.I. Galich “Experience of the Science of Fine” (1825) — is the first attempt in Russia to generally describe the esthetics of the Romantic style using the experience of all the arts. He focuses on the problems of art nature, creative character of an artist’s activity, variety of expressive forms of the absolute idea. The Russian aesthetician says it is necessary “to find the fundamental ideas and laws of the Science” [3, p. 21] and to use these ideas and forms everywhere in the field of the corresponding occurrences [3, p. 21].

As for the architecture, for the Russian Schelling-follower it is relatively “fine art” [3, p. 95], which “is processed according to the laws of the simple symmetry and limited idea of stable and calm dwelling, as houses or comfortable refuge, as arbors, mausoleums, theatres” [3, pp. 95—96]. But even the limited idea of a dwelling as a refuge, the building itself has a side, from which architecture rises to “the level of fine architectonics” [3].

For Galich the variety in art was very important, which for him belonged to the general law of the art. Galich as a Schelling-follower and Russian philosopher expressed his rejection of copying, which was characteristic of the Enlightenment ideas, as well as canonic character

как приюта, само здание имеет такую сторону, с которой, приближая последнее к самой идее, выводят архитектуру на «степень изящного зодчества» [3].

Для Галича было важным разнообразие в искусстве, которое он относил к всеобщему закону художества. Галич как шеллингианец и русский любомудр выражал неприятие подражательства, свойственного идеям Просвещения, а также каноничности и единообразия. И архитектор должен от этого отказаться, а отказавшись, он должен творить, опираясь на опыт всего мирового наследия, понимаемого Галичем в понятиях греческой и восточной (готической) культурных традициях.

Размышления о зодчестве, изложенные русскими поэтами, философами, эстетиками, писателями этого времени, оказались в тени общественного внимания. А между тем идеи любомудров, славянофилов, К.Н. Батюшкова, Н.В. Гоголя, П.Я. Чаадаева, В.Ф. Одоевского, П.А. Катенина, В.К. Кюхельбекера предельно свежи и актуальны для сегодняшнего дня. Фрагменты размышлений о зодчестве есть в произведениях А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, В.А. Сологуба, Ф.М. Достоевского.

В основном русские поэты, писатели и философы развивались в русле немецкого и русского романтизма (прежде всего любомудры). Они в 1820-х гг. сгруппировались вокруг «Московского вестника». При этом Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский, С.П. Шевырев были ближе к вакенродерскому, а не шеллингианскому романтизму. К этому направлению мысли примыкал и Н.В. Гоголь. В 1826 г. они перевели произведения Вакенродера и опубликовали в «Московском вестнике» [4].

В их оценках зодчество выступало высшим искусством. Именно в нем они видели (как и в музыке) чистую идею, обусловленную близостью к природе. Эти мысли были выражены в [5], где человек «не довольствуется изображением бесконечного в предметах конечных».

Исключением была позиция П.А. Катенина. Он не относил к искусству не только архитектуру, но и музыку.

Кроме романтического существовало еще понимание зодчества с точки зрения

and uniformity. And an architect should refuse from it, and then he should create using the experience of the whole world heritage understood by Galich in the notions of Greek and Eastern (Gothic) cultural traditions.

The thoughts about architecture, which were developed by Russian poets, philosophers, aestheticians, writers of that time were in the shadow of public attention. Though the ideas of the philosophers, Slavophiles, K.N. Batyushkov, N.V. Gogol, P.Ya. Chaadayev, V.F. Odoyevsky, P.A. Katenin, W.K. Küchelbecker are quite new and current for today. We can find the fragments of the thoughts about architecture in the works of A.S. Pushkin, A.S. Griboyedov, V.A. Sologub, F.M. Dostoyevsky.

Generally the Russian poets, writers and philosophers were educated in the frames of German and Russian Romantic style (first of all Lyubomudry). In 1820s they grouped around “Moscow Herald”. D.V. Venevitinov, V.F. Odoyevsky, S.P. Shevyryev were closer to Wackenroder, but not Schelling Romanticism. N.V. Gogol also belonged to this line of thinking. In 1826 they translated the works of Wackenroder and published them in “Moscow Herald” [4].

According to their estimations the architecture was a high art. They saw a clear idea in it (the same as in music), which is not determined by closeness to the nature. These thoughts were expressed in [5], where a human “isn’t just satisfied with the depiction of endless in finite things”.

The opinion of P.A. Katenin was an exception. He didn’t regard not only architecture, but also music as art.

Besides romantic understanding the architecture was also understood from the point of official nationality. This understanding from its very beginning didn’t coincide with the attempts to find the essence of national features in the art, which appeared already in the Pushkin epoch.

In 1826 A.S. Pushkin himself wrote about it “... From some time we are used to talk about nationality, to demand nationality, to complain about the absence of nationality in literature, but no one thought to define what is nationality?” [6, p. 28]. How Pushkin understood this nationality? It is first of all climate, type of government, faith — they give each nation its unique

теории официальной народности. Это понимание с самого начала не совпадало с теми попытками разгадать сущность национальных примет в искусстве, которые начались уже в пушкинскую эпоху.

Вот что писал по этому поводу сам А.С. Пушкин в том же 1826 г.: «...С некоторых пор вошло у нас обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность» [6, с. 28]. Что же понимал под народностью Пушкин? Это прежде всего «...Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-то народу» [6]. К этому относится и зодчество.

Первые эстетические поиски народности в русской архитектуре выражали отрицаемое Пушкиным внешнее ее понимание, сводящееся к поверхностным заимствованиям. Это понимали и современники великого русского поэта, которые являлись свидетелями первых образцов архитектуры в «русском вкусе» и «византийском стиле», которые впервые пытались соотнести понятия народного, национального и общеевропейского в русской культуре того времени.

В 1830-х гг. современники впервые обратились к зодчеству, которое до этого находилось в тени полемических споров. При этом еще до этого момента такие профессиональные архитекторы, как И.И. Свиязев, впервые начали писать о современной им архитектуре. О путях ее развития также размышляли писатели Н.В. Гоголь, П.Я. Чаадаев, Н.В. Кукольник, В.А. Соллогуб.

Н.В. Кукольник в 1836 г. в «Художественной газете» говорил следующее об архитектуре: «...Архитектура одна представляет случай к многим занятиям для художников; но и в сем отношении только поручения правительства бывают важны и значительны» [7]. На страницах этого издания впервые появились критические обзоры Кукольника, посвященные архитектуре. В этой газете впервые прозвучали в применении к зодчеству и такие слова как «эклети-

face, which is more or less reflected in the mirror of poetry. A nation has its way of thinking and feeling, a lot of customs, beliefs and habits [6]. Architecture is also in this list.

The first esthetic search of nationality in the Russian architecture was expressed by its outer understanding denied by Pushkin, which was limited to surface copying. Also the contemporaries of the Russian poet understood it, who were the witnesses of the first examples of architecture in “Russian style” and “Byzantine style” and who were the first to try to relate the notions of folk, national and European in the Russian culture of that time.

In 1830s the contemporaries were the first to turn to architecture, which was before in the shadow of the polemicals. Even before it such professional architects as, for example, I.I. Sviyazev, began to write about the contemporary architecture. Also the writers N.V. Gogol, P.Ya. Chaadayev, N.V. Kukolnik, V.A. Sollogub discussed the ways of its development.

N.V. Kukolnik in 1836 in his “Art Gazette” wrote about the architecture “... Architecture is the one to give chance to many occupations for artists; but even in this case only the instructions of the government can be important” [7]. On the pages of this issue for the first time critical overviews of Kukolnik dedicated to architecture can be found. In this gazette for the first time such words as “eclecticism”, “eclectic style” were used, which further became nominative to denote the architecture of the second half of the 19th century.

Here is what he writes about it: “Our century is eclectic: it has an eclectic feature everywhere — a clever choice ..., — he writes in 1837. — We should mention, that this eclectic beautiful style is visible only in public buildings” [8, 9].

In 1837 Kukolnik wrote, what is nationality in the art from his point of view: “... is it maybe the blind stubbornness in trivial copying of art forms of our predecessors” [8, 9], or the wish of our predecessors and the wish to assimilate into the old fairy tale, sing a folk song, paint a Middle Age icon-painting? Or really the understanding to obtain individuality in the art (which includes architecture). And showing our own individuality in the art, our own character, strive for the general harmony with European art.

ка», «эkleктическое направление», которые затем стали нарицательными для обозначения зодчества уже второй половины XIX в.

Вот что он по этому поводу пишет: «Наш век эkleктический: во всем у него характеристическая черта — умный выбор..., — пишет он в 1837 г. — Нельзя не заметить, что это эkleктическое прекрасное направление видимо только в постройках общественных» [8, 9].

В 1837 г. Кукольник писал, что есть народность в искусстве, с его точки зрения, подытоживая высказывания своих предшественников: «...слепое ли упрямство к мелочному подражанию формам искусства наших предков» [8, 9], или желание наших предков и желание подделаться под старую сказку, запеть под народную песню, написать картину под средневековую иконопись? Или все-таки осознание приобрести собственную индивидуальность в искусстве (в т.ч. и зодчестве). И в этом плане, проявив свою собственную индивидуальность в искусстве, свой собственный характер, стремиться к общей гармонии с европейским искусством.

При этом в этих статьях Кукольник опирался на более ранние суждения, прозвучавшие в начале 1830-х гг. в печати и относившиеся к высказываниям Н.В. Гоголя и П.Я. Чаадаева. Они оба, будучи чужды современной им архитектурной практике, обратились к проблеме зодчества, что свидетельствовало о новом историческом подходе к этому виду искусства и о той большой роли, которую стали играть архитектурные образы в художественном мышлении той эпохи.

Стремление к стилистическому разнообразию, впервые проявившееся в интерьерах конца 1820-х гг., постепенно повлияло и на восприятие Петербурга. Это в особенности ярко выразилось в творчестве Н.В. Гоголя, первые петербургские впечатления которого, очень далекие от восхищения Северной Пальмирой, во многом предопределили направленность его известной статьи «Об архитектуре нынешнего времени».

Гоголь писал матери в начале 1829 г., сразу после своего первого приезда в Петербург, выражая свое разочарование в этом городе: «...Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо

Saying this in his articles Kukolnik based on the earlier ideas, which were expressed in the early 1830s in print, which belonged to N.V. Gogol and P.Ya. Chaadayev. They were both alien to contemporary architecture and referred to the problem of architecture, which spoke for a new approach to this art form and for the big role of architectural shapes in the artistic thought of that epoch.

Striving for stylistic variety, which first showed itself in the interiors of the 1820s, gradually influenced the perception of Petersburg. It was especially vividly expressed in the works of N.V. Gogol, whose first Petersburg impressions were far from admiration by Palmyra of the North and determined the direction of his well-known article “On the architecture of today”.

Gogol wrote to his mother in the beginning of 1829 after his first visit to Petersburg, expressing his disappointment: “Petersburg turned to be not like I thought it to be, I imagined it more beautiful, magnificent, and what others said about it is lies” [9, p. 29]. He compares other cities with Petersburg — Moscow, European cities: “...Petersburg is not like other european capitals or Moscow. Each capital is characterized by its nation and a sign of nationality, but Petersburg has no character...” [9, pp. 31—32]. Further he describes in detail the buildings, which became the objects of his observation: “...The cities here are big, especially in the main parts, but not high, mostly consisting of three or five floors, rarely — of five or six, maybe there are only four or five such houses in the whole capital, at lots of houses there are many signs” [9, pp. 31—32].

The thoughts about architecture were expressed in many works of Gogol — in a number of articles from the book “Arabesques” [10], in his essay “Rome”, in the stories “Nevsky Prospect”, “Portrait”, “The Overcoat”, in the poem “Dead Souls”, play “The Inspector General”.

He distinguished external and internal: body and soul. As a body he understood everything material, including art, sculpture, architecture, body (including a human body). It is good if everything is developed in harmony, if not — everything destructs: a human, society, civilization.

In this sense the thoughts of Gogol coincided with the ideas of I.V. Kireevsky, who wrote in 1832: “...Where the European coin-

красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы» [9, с. 29]. И он сравнивает с Петербургом другие города — Москву, европейские города: «...Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера...» [9, с. 31—32]. И далее он подробно описывает здания, которые стали объектами его наблюдения: «...Дома здесь большие, особенно в главных частях города, но не высоки, большею частью в три и четыре этажа, редко очень бывают в пять, шесть только четыре или пять по всей столице, во многих домах находится очень много вывесок» [9, с. 31—32].

Мысли о зодчестве были высказаны Гоголем во многих его произведениях — в ряде статей из сборника «Арабески» [10], в очерке «Рим», в повестях «Невский проспект», «Портрет», «Шинель», в поэме «Мертвые души», в пьесе «Ревизор».

Он разделял внешнее и внутреннее: тело и душу. Под телом он понимал все материальное, включая искусство, скульптуру, зодчество, тело (в т.ч. и человека). Если это все развивается гармонично — тогда все хорошо, если нет — то все разрушается: человек, общество, цивилизация.

И в этом плане мысли Гоголя совпадали с идеями И.В. Киреевского, который писал в 1832 г. следующее: «...Там, где общеевропейское совпадает с нашей особенностью, там рождается просвещение истинно русское, образованно-национальное, твердое, живое и глубокое» [11].

Подтверждением этих слов И.В. Киреевского служат слова самого Гоголя, сказанные им в статье «Об архитектуре нынешнего времени». «...Если бы потребовалось отдать решительное преимущество которой-нибудь из этих архитектур, то всегда отдам ее готической» [12]. Потому что она европейская и наиболее нам соответствующая.

В духе Гоголя размышляет о зодчестве П.Я. Чаадаев. В одно время с Н.В. Гоголем он выступил с апологией готики и критикой идеи Просвещения XVIII в., как и академизма.

При этом Чаадаев ставит вопрос иначе, чем Гоголь, занимаясь рассмотрением фило-

сидес with our features, the real Russian enlightenment is born, national, strong, alive and deep” [11].

The words of Gogol himself in the article “On the architecture of today” confirm these words of I.V. Kireyevsky: “...If it would be necessary to give preference to one of these architectures, I would give it to the Gothic one” [12]. Because it is European and most corresponding to us.

P.Ya. Chaadayev reflects upon architecture the similar way. Together with N.V. Gogol he protected gothics and criticized the Enlightenment ideas of the 18th, as well as academism.

But Chaadayev states the problem another way, he observes philosophic and ethic sense in architecture. Unlike Gogol he doesn't compare two styles — classicism and eclectics, but all the main epochs of the world architecture, opposing gothics and Egyptian culture to antique architecture of the modern early period.

He starts out from the antique tradition. He categorically opposes the Middle Age epoch (Gothic style) and Egypt of the ancient time. Unlike Gogol, Chaadayev believes, that reconciliation of these traditions is impossible and beyond belief: they are opposite ideologies and deny each other as antipodes.

The attitude of Chaadayev to architecture is not clear without mentioning the ideas of the representatives of poetry, philosophy, esthetics, literature of that period. In 1830—1840s they all express the idea of the development and value of art. A.S. Pushkin criticizes the formal understanding of love like F.V. Bulgarin and O.I. Senkovsky. The Decembrists A.I. Odoyevsky and W.K. Küchelbecker talk about inefficiency of art, assuming materialistic attitude. In this regard N.V. Gogol and P.Ya. Chaadayev promote spirituality and transcendence of Gothic style, and I.Ya. Kronberg speaks for the independent value of philosophy.

Chaadayev placed special emphasis on the idea of spirituality. In 1830s he saw the Truth in Catholicism (here we think of his “Philosophic letters” and “Apology of a Madman”), but in the 1840s he reconsiders his attitude to orthodoxy. According to Gogol and Chaadayev it was spirituality that could save Russia. Here we can find the sources of the maximalism of Chaadayev, which he sees in art — “symphonic history of humankind” [13].

софско-этического смысла в архитектуре. В отличие от Гоголя, он сравнивает не два стиля — классицизм и эклектику, а все главные эпохи мирового зодчества, противопоставляя античному зодчеству Нового времени — готику и египетскую культуру.

Он отталкивается прежде всего от античной традиции. Он резко противопоставляет эпоху средневековья (готику) и Египет античности. Чаадаев, в отличие от Гоголя, считает, что примирение этих традиций невозможно и немыслимо: они являются противоположными мировоззрениями и отрицают друг друга как антиподы.

Отношение самого Чаадаева к архитектуре не ясно без показа идей представителей поэзии, философии, эстетики, литературы этого периода. В 1830—1840-х гг. все они выражают идею развития и ценности искусства. Против казенного понимания любви к родине «а-ля» Ф.В. Булгарин и О.И. Сенковский, — критикует А.С. Пушкин. Декабристы А.И. Одоевский и В.К. Кюхельбекер отмечают бесполезность искусства, занимая материалистическую позицию. В этой связи Н.В. Гоголь и П.Я. Чаадаев проповедуют духовность и надмирность готики, а И.Я. Кронберг выступает за самостоятельное значение философии.

Особое значение Чаадаев придавал идее духовности. Истину в 1830-е гг. он видел в католицизме (здесь вспоминаются «Философические письма» и «Апология сумасшедшего»), а в 1840-е гг. у него происходит пересмотр взглядов на православие. Именно духовность, по Гоголю и Чаадаеву, могла спасти Россию. В этом и заключаются истоки того максимализма Чаадаева, который он видит в искусстве — «символической истории человечества» [13].

К тому же Чаадаев стал в зодчестве проповедовать стиль «бидермайер», заключающийся в создании особого уюта для жизни. Вот что он пишет во втором «Философическом письме»: «...Мы живем в стране, столь бедной проявлениями идеального, что если мы не окружим себя в домашней жизни некоторой долей поэзии и хорошего вкуса, то легко можем утратить всякую деликатность чувства, всякое понятие об изящном» [14].

При этом утилитарные сооружения критиковал не только Чаадаев, Гоголь, Ку-

Moreover Chaadaev began to promote “the Biedermeier” style in architecture, which meant the creation of special comfort for life. Here is what he writes in his second “Philosophiv letter”: “...We are living in the country, which is poor in exhibiting ideal, that’s why if we don’t surround ourselves in our home life with some poetry and good taste, we can easily lose any delicacy of taste, any understanding of gracefulness” [14].

Utilitarian buildings were criticized not only by Chaadayev, but also by Gogol, Kukulnik and even the emperor Nicholas I, who was a good judge of architecture. The monarch himself thought it to be extravagance. And after his speech in 1836 the print media talked about the correspondence of the appearance of a building to its real purpose. There lied the main reason for style variety, which appeared in 1830s. The essence of this variety was in the idea that the buildings of different types should correspond to the history epochs and styles close to them.

REFERENCES

1. Batyushkov K.N. Opyty v stikhakh i proze [Experiments in Verse and Prose]. *Progulka v Akademiyu khudozhestv* [The Walk to the Academy of Arts]. Moscow, Nauka Publ., 1977, p. 75. (In Russian)
2. Karamzin N.M. Goticheskiy vkus [Gothic Taste]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1807, no. 14, part XI, p. 284. (In Russian).
3. Galich A.I. Opyt nauki izyashchnogo [Experience of the Science of Fine]. Saint Petersburg, 1825, p. 21. (In Russian)
4. Labanov S.S. Idei ob arkhitekture u lyubomudrov i N.V. Gogolya v pervoy polovine XIX veka [Ideas about Architecture of Lyubomudry and N.V. Gogol in the First half of the XIX Century]. *Integratsiya, partnerstvo i innovatsii v stroitel'noy nauke i obrazovanii : sbornik tezisev Mezhdunarodnoy Nauchnoy Konferentsii* [Integration, Partnership and Innovations in Construction Science and Education : Book of Abstracts of the International Scientific Conference]. Moscow, MGSU Publ., 2013, pp. 47—48. (In Russian)
5. Titov V.P. Neskol'ko mysley o zodchestve [Several Ideas about Architecture]. *Moskovskiy sbornik* [Moscow Proceedings]. 1827, no. 3, part 1, pp. 189—200. (In Russian)
6. Pushkin A.S. O narodnosti v literature [On the Nationality in Literature]. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 tomakh* [Complete Works in 10 Volumes]. Vol. 7. Leningrad, Nauka Publ., 1978, p. 28. (In Russian)
7. Kukul'nik N.V. Novye postroyki v Petergofe [New Constructions in Peterhof]. *Khudozhestvennaya gazeta* [Art Newspaper]. 1837, no. 12, p. 176. (In Russian)

кольник, но даже император Николай I, хорошо разбирающийся в архитектуре. Сам государь считал это излишеством. И после его выступления в 1836 г. в тогдашней прессе стали говорить о соответствии внешнего облика здания его реальному назначению. В этом и была основная причина того разностиля, который и возник в 1830-х гг. Суть этого разностиля заключалась в том, чтобы сооружения тех или иных типов соотносить с близкими им историческими эпохами и стилями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе // Прогулка в Академию художеств. М. : Наука, 1977. С. 75.
2. Карамзин Н.М. Готический вкус // Вестник Европы. 1807. № 14. Ч. XI. С. 284.
3. Галич А.И. Опыт науки изящного. СПб, 1825. С. 21.
4. Лабанов С.С. Идеи об архитектуре у Любомудров и Н.В. Гоголя в первой половине XIX века // Интеграция, партнерство и инновации в строительной науке и образовании : сб. тезисов Междунар. науч. конф. М. : МГСУ, 2013. С. 47—48.
5. Титов В.П. Несколько мыслей о зодчестве // Московский сборник. 1827. № 3. Ч. 1. С. 189—200.
6. Пушкин А.С. О народности в литературе // Полное собрание сочинений. В 10 тт. Т. 7. Л. : Наука, 1978. С. 28.
7. Кукольник Н.В. Новые постройки в Петергофе // Художественная газета. 1837. № 12. С. 176.
8. Кукольник Н.В. От издателя // Художественная газета. 1837. № 1. С. 9.
9. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. М., 1984. С. 29.
10. Завьялова Е.Е. О закономерностях в гоголевских описаниях: фасад: окно // Гуманитарные исследования. 2013. № 2. С. 70—75.
11. Киреевский И.В. Горе от ума — в Московском театре // Полное собрание сочинений. В 2-х т. Т. 2. М., 1911. С. 61.
12. Гоголь Н.В. Об архитектуре нынешнего времени // Полное собрание сочинений. Т. VIII. М., 1952. С. 61—62.
13. Чаадаев П.Я. Об архитектуре // Полное собрание сочинений и писем в 2-х тт. Т. 1. М. : Наука, 1991. С. 441—444.
14. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо второе // Статьи и письма. М., 1989. С. 57.
8. Kukolnik N.V. Ot izdatelya [From the Publisher]. *Khudozhestvennaya gazeta* [Art Newspaper]. 1837, no. 1, p. 9. (In Russian)
9. Gogol' N.V. *Sobranie sochineniy. V 8 tomakh* [Collected Works. In 8 Volumes]. Vol. 8. Moscow, 1984, p. 29. (In Russian)
10. Zav'yalova E.E. O zakonomernostyakh v gogolevskikh opisaniyakh: fasad: okno [On Regularities in Gogol's Descriptions: Facade: Window]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Research]. 2013, no. 2, pp. 70—75. (In Russian)
11. Kireevskiy I.V. Gore ot uma — v Moskovskom teatre [Woe from Wit — in the Moscow Theater]. *Polnoe sobranie sochineniy. V 2-kh tomakh* [Complete Works in 2 Volumes]. Vol. 2, Moscow, 1911, p. 61. (In Russian)
12. Gogol N.V. Ob arkhitekture nyneshnego vremeni [On the Architecture of Today]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. VIII, Moscow, 1952, p. 61—62. (In Russian)
13. Chaadayev P.Ya. Ob arkhitekture [On the Architecture]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 2-kh tomakh* [Complete Works and Letters in 2 Volumes]. Vol. 1, Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 441—444. (In Russian)
14. Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma. Pis'mo vtoroe [Philosophical Letters. Letter Two]. *Stat'i i pis'ma* [Articles and Letters]. Moscow, 1989, p. 57. (In Russian)

Received in November 2014.

About the author: **Labanov Sergey Sergeevich** — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, **Moscow State University of Civil Engineering (MGSEU)**, 26 Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation; sergeylabanov@mail.ru.

For citation:

Labanov S.S. Idei zodchestva v russkoy mysli nachala XIX veka [Architectural Concepts in the Russian Ideas in the Beginning of the 19th Century]. *Stroitel'stvo: nauka i obrazovanie* [Construction: Science and Education]. 2014, no. 3, paper 3. Available at: <http://www.nso-journal.ru>. (In Russian)

Поступила в редакцию в ноябре 2014 г.

Об авторе: **Лабанов Сергей Сергеевич** — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, **Московский государственный строительный университет (ФГБОУ ВПО «МГСУ»)**, 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, sergeylabanov@mail.ru.

Для цитирования:

Лабанов С.С. Идеи зодчества в русской мысли начала XIX века [Электронный ресурс] // Строительство: наука и образование. 2014. № 3. Ст. 3. Режим доступа: <http://www.nso-journal.ru>.